Maismuni gynen.

Pajengs id. C. Thomas

Blumamamamam imparegia pacedalands

Na openis unansuenci granoplusad

had negaciomlustulación.

Truchumesto mes-imparegia irrad

du, imprimo, naghura, nepedas ingen

haro cas varies un estopenis.

leo cest, imparegia excurgan, cres,

espera promunal pass u meniman

les cest, imparegia excurgan, cres,

espera promunal ha manas impare

guis temphinimulas na manas nossi

mpregapatine remodrana, has entgans

agare y man permano anna.

Unalidades di denases a syphimica

ha are remodra, is mo spetornas lesi

mamaparas, is mo spetornas lesi

unansea. Pipaga menus, na prospens

examinas lipaga menus anganas an

pentras namparas in pastopundas

pentras uningan remon as co
rysen nempara manas cagadua es

pentras uningan remon as co
rysen nempara ma menta nyone

lanaci.

Cr replans me uningan secuma as co
rysen nempara na menta nyone

lanaci.

Cr replans me uningan secuma ses

regisarana secuma secuma ses

regisarana secuma secuma ses

regisarana secuma secuma ses

regisarana secuma secuma secuma ses

regisarana secumanas secuma ses

regisarana secumanas secuma secuma

РУКОПИСЬ РАССКАЗА А. С. ГРИНА «МАЯТНИК ДУШИ»
Лист первый, 1917 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

маятник души

Великолепные трагедии расцветают на фоне нынешней действительной недействительности.

Большинство их — трагедии любви, смерти, подвига, перевозбужденного сознания и — озверения.

Но есть трагедии-орхидеи, среди этих черных роз и жестких бес-

смертников. Одна такая трагедия встретилась на моем пути. Представьте человека лет тридцати, болезненного, но с спокойным ли-

цом, восседающего у раскрытого окна.

Человек в халате и туфлях. На его голове — голубая, не то татарская, не то греческая чеплашка. Пред ним, на подоконнике, стакан крепкого чая, ягоды, папиросы и развернутая книга: пятый том Салиаса.

Против хозяина сидела серенькая молодая кошка с голубой ленточ-

кой на шее и умывалась.

С первых же минут встречи меня поразило то, что хозяин, чрезвычайно внимательно выслушивая мои сообщения — мои рассказы о военных и революционных событиях, — ограничивался, в лучшем случае, коротким

opens. Karga murgyt, no repres оправа такимя, не столизова перо purecens harmonyritues, is consta aprougueer ague pranatant creata ... Da. Bass cracheula! Mape mis! kano. neans! idnas " Thurs Pago! Megris Comes. & muning. D. do do! " Capians renaditar ha iruganis Tepes negotions is nowyther ashisting rues Penties yeas poesulues. Mens us dias en meaner dus ween nyplews zowens. Meneny Smins, yourness, section sensus wrecays wellinging at againstennas им поинелим дуний, вишиминий vijero esaneunoucy bygg as

РУКОПИСЬ РАССКАЗА А. С. ГРИНА «МАЯТНИК ДУШИ»

Лист последний, 1917 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

кивком; большей же частью аппетитно наполнял рот ягодами или неподвижно курил. Наконец я выговорился.

Репьев помолчал, затем механически произнес:

— Да. Всякие бывают вещи на свете.

С нескрываемым удивлением задал я ему следующий вопрос:

Вас, кажется, мало интересуют события?

 Нет... ничего, — вяло произнес он и снова обратился к тарелке с ягодами.

— Я вас не узнаю, — продолжал я. — Не далее как год назад вы бились с бессонницей и говорили до хрипоты о явлениях, значительно менее интересных, чем нынешний круг потрясений. Вы вздрагивали от скрипа двери. Вашей пищей была газета. Вы были в той категории современников, которым эта действительность топтала мозг и давила душу. Я вижу Салиаса и кошку, вид на речку и черную смородину, но вас, вас я не могу признать в человеке, терпеливо перекладывающем испорченные ягоды в ровную, как клубок, кучку.

Репьев оживился. Я, видимо, затронул вопрос, интересующий его са-

мого.

- Я знаю это, улыбаясь заговорил он. А вы мне вот что скажите: случалось ли вам испытывать чувство исторической зависти?
 - Я не понял и сказал это.
- Кажется, я употребил неудачное слово, продолжал Репьев. Я поясню свою мысль: когда мы глядим в прошлое, на некоторые изумительные страницы истории, полные сказочно величавых дел, слов, поступков, людей гремящих и страшных; картин трагических и волнений отдельных жизней, напоминающих цветные огни; когда все это звучит в нашем сознании сложной, как любовное чувство, мелодией, обвеянной столетиями искусства, применившего кисть, резец, перья и клавиши для поэтического увековечения происшедшего, мы, я, по крайности, испытывал лихорадочное желание жить в тех эпохах, участвовать в тех событиях...
 - Или таких же... перебил я.
- Или таких же, да, и быть хотя бы рядовым человеком, но современным этим восхитительным, грандиозным кипениям. Даже жертвы истории казались мне избранниками судьбы, плачущими от счастья.
 - Обычный обман зрения.
- Да. Тогда, до войны... а вы знаете, какую серую, затертую жизнь я тогда вел, —жизнь маленького службиста, тогда я еще не понимал великого смысла одиннадцати букв: «перспектива». Возьмем, например, картину, пейзаж хотя бы, и сравним ее с картиной истории. Как немыслимо проникнуть в перспективу нарисованную, с целью рассмотреть предполагаемое ее содержание, например, природу гор, лес и т. п., так же немыслимо проникнуть в перспективу историческую, чтобы узнать, как жили массы, составляющие фон и даль картин исторических... Там все смутно, слито, эскизно, лишь на переднем плане выступают яркие образы, сцены борьбы героической... Между тем, я сам, в 14-том году, находился же ведь в глубине перспективы... однако то настоящее не могло быть мне, понятно, тогда ни перспективой и ничем иным, кроме себя, переживающего то-то и то-то.

Вот поднялась война, а за ней прогремела великая революция. Согласен, что войны такой еще не было. Согласен я и с тем, что диапазон нашей революции циклопичен в сравнении с великой французской революцией. Ряд первых потрясений, принявших хроническую затяжность, утомил меня за четыре года, как бочка водовозную клячу, а пестрая смена на различных пьедесталах — больших и пребольших — определенно исторических фигур стала ежедневным пайком. Я ждал, что испытаю историческую влюбленность в это вот настоящее и получу счастье волшебника, отпирающего маковым зерном дворцы и храмы. Однако я точно видел, у кого на сапоге дырка, кто пьет валериановые капли и кто где достает масло; видел, что идет дождь, что дворники метут улицы и что ноги от ходьбы устают совершенно так же, как уставали они при Цезаре или Марате. Я привык к выстрелам, холодно рассуждаю о голодовках и даже цеппелинная бомба, разорвись она на полгорода, весьма умеренно заставила бы меня вздрогнуть. И стало мне так же скучно, как во времена дремлющего на солнцепеке городового, пожарной каски среди кухонного стола и острополитических маевок, с гимназической их любовью и распеванием стихов Некрасова. Я уразумел, что парижанин 93-го года имел право рассеянно проходить мимо гильотины, прислушиваясь к стуку топора так же панически *, как к стуку маятника.

^{*} В печатном тексте — «равнодушно». Возможно, — правка автора.

РЕСПУБЛИКАНЕНЪ

№ 37 и 38.

она, со неменьщимъ увлеченіемъ, вторить комариному писку.

Я затьяь?

Двите срокь Когда нибудь, отчанино сытый гажинь, не смъйтесь! и сто р и 12 ски м ъ благополученъ, я сиова произвесу им роковыя слова...

См. выше?

— Да. Воть счастивы" Мараты! Наполеоны! Влам и бълам Роза! Марія Стоарты! Спартакы! Карфатель!! Римы!

- Отлично, О-хо-хо!

Да.

Сорока человъкъ на ящинъ мертвеца...

o ko ko

И бутылка рома" і

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РАССКАЗА А. С. ГРИНА «МАЯТНИК ДУШИ» Окончание рассказа, из которого изъяты заключительные строки Журнал «Республиканец», 1917, № 37—38

Затем произошло следующее. Перспектива 1913 года стала таки действительно перспективой, и я с волнением, с завистью обратил свой взгляд на ее душистое, спокойное лето, ленивую зиму, на ее обжорные чайные столы, холодную водку, книги о любовных историях и на ее общие благодушные размышления «о том, о сем, а больше ни о чем»... Как были счастливы те люди, которые... (Смотри выше.) На крыше вагона приехал я сюда, искренно волнуясь от мысли, что буду есть жареных окуней и собирать грибы... Если еще так недавно душа моя трубила восстание, то теперь она с неменьшим увлечением вторит комариному писку.

— A затем?

— Дайте срок. Когда-нибудь, по горло сытый таким — не смейтесь! — историческим благополучием, я снова произнесу эти роковые слова...

— См(отри) выше?

— Да. Вот счастливцы! Марат! Наполеон! Алая и Белая Роза! Мария Стюарт! Спартак! Карфаген! Рим!

— Отлично. О-хо-хо!

- «Сорок человек на ящике мертвеца...

Ho-xo-xo!

И бутылка рома» *.

Через неделю я получил известие, что Репьев застрелился.

Мне не было его жалко. Он шел путем зрителя.

Между тем грозная живая жизнь кипела вокруг, сливая свою героическую мелодию с взволнованными голосами души, внимающей ярко озаренному будущему.

^{*} Р. Стивенсон. Остр(ов) сокровищ. (Прим. А. С. Грина.)